

хлѣба, пополамъ съ пескомъ и мякиною, и, пришедъ въ большой городъ, увидѣлъ горы и калачей, и кондитерскихъ издѣлій, и плодовъ: можно сказать, что у него нѣтъ самообладанія и человѣческой воздержности, если онъ на эти вещи будетъ смотрѣть глазами тигра... а захвативши что-нибудь, начнетъ пожирать съ звѣрскою жадностью, а когда у него станутъ отнимать, онъ въ бѣшенствѣ разобьетъ себѣ черепъ? Какъ же отъ него требовать Entsagung? У всякаго есть своя исторія, мой добрый Василій... 1).

Петербургъ, 24 февраля 1840 г. 2).

„...Ты пишешь, что онъ 3) любить одно общее. О, пропадай это ненавистное общее, этотъ Молохъ, пожирающій жизнь, эта гремушка эгоизма!.. Лучше самая пошлая жизнь, чѣмъ такое общее, чтобъ чортъ его побралъ! Пусть лучше данъ будетъ моему разумѣнію маленький уголокъ живой дѣйствительности, чѣмъ это пустое, лишенное всякаго содержанія, всякой дѣйствительности, сухое и эгоистическое (общее). Ты пишешь, что у меня такая же способность отвлеченія, какъ у М.: такъ, да не такъ, я резонеръ и рефлектировщикъ, правда,—но зато, какъ скоро представляли передъ меня дивныя явленія дѣйствительности, въ искусствѣ и жизни, я посылалъ къ чорту свою рефлексію, и никогда не мѣнялъ *человѣка на книгу*...“

27 февраля и 1 марта 1840 г. (продолженіе).

„...Каждое письмо твое, — свѣтлый праздникъ для меня, день счастья и даже полноты, поколику она для меня возможна. А о Пушкинѣ ты врешь, хотя, по своему обыкновенію, и мило врешь. Шекспиръ не зналъ новѣйшей германской рефлексіи, но міросозерцаніе его оттого не пострадало, не сузилось, равно какъ и обиліе нравственныхъ идей. У Пушкина то и другое безконечно, только труднѣе въ то и другое проникнуть, чѣмъ у нѣмцевъ. Вспомни, что ты самъ такъ глубоко и вѣрно подмѣтилъ въ „Онѣгинѣ“ — какое безконечное міросозерцаніе, какой великій нравственный урокъ — и въ чемъ же — въ нашей частной жизни, среди помѣщиковъ! А тамъ еще „Цыганы“, „Ворисъ Годуновъ“, „Русалка“ (обрати на нее вниманіе), „Скупой Рыцарь“, „Каменный Гость“. Въ послѣднее время мнѣ открылся „Бахч. Фонтанъ“: мнѣ кажется, я въ состояніи написать объ этой крошечной пескѣ пѣлую книгу — великое міровое созданіе! Присовокупи ко всему этому, что Пушкинъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, въ порѣ возмужалости своего генія, умеръ, когда великій мірообъемлющій Пушкинъ уже кончился, и начинался въ немъ великій, мірообъемлющій Шекспиръ. Да, міръ увидѣлъ бы въ немъ новаго Шекспира...“ 4).

„О, какъ дѣйствуютъ на меня подобныя самосознанія въ такихъ простыхъ цѣлостныхъ людяхъ, какъ Пушкинъ! Нѣтъ, Б., надо радоваться, что ядовитое дыханіе рефлексіи (ядовитое для поэзіи) не коснулось Пушкина, и

тѣмъ не отняло у человѣчества великаго художника. Я понимаю цѣну, значеніе и необходимость рефлектированной поэзіи — я самъ безъ ума отъ символическаго „Прометея“ Гете; но, во-первыхъ, я настаиваю на то, что когда говорится объ истинной (непосредственной) поэзіи, — о рефлектированной можно и помолчать; а во-вторыхъ, — я вижу нравственную идею только въ *нерукотворныхъ, явленныхъ* образахъ, которые одни есть абсолютная дѣйствительность, а не тѣ, гдѣ хитрила человѣческая мудрость. Воля твоя, а послѣ Вертера и Вильгельма Мейстера — твое удивленіе къ Wahlverwandschaften мнѣ очень подозрительно. Я увѣренъ, что это то же, что Вилг. Мейстеръ: вино пополамъ съ водою. Такія произведенія, много давая въ частяхъ, цѣлымъ своимъ только усиливаютъ болѣзненность духа и рефлексію, а не выводятъ изъ нихъ въ полноту созерцанія. А что Егоръ Федорычъ 1) восхищается рефлектированностью поэзіи Шиллера — брешетъ, собачій сынъ 2)... Еще разъ — счастье наше, что натура Пушкина не поддавалась рефлексіи: отъ того онъ и великій поэтъ...“

„Пиши мнѣ, пиши о каждомъ стихотвореніи Лермонтова 3) — иначе я не хочу съ тобою знаться. Какъ, мой добрый и лысый Василій, — „На смерть Одоевскаго“ тебѣ больше нравится, чѣмъ „Терекъ“? Сіе мнѣніе, о Воткинъ! — если бы ты его напечаталъ, — я бы печатно отрекся даже отъ того, что когда-либо гдѣ встрѣчалъ тебя. Неужели на святой Руси только одному мнѣ суждено было добаться (съ грѣхомъ пополамъ) до тайны поэзіи, и носиться съ нею среди васъ, подобно Кассандрѣ съ ея зловѣщею тайною, осуждавшею ее на отчужденіе и одиночество среди ликующаго народа въ свѣтломъ Иліонѣ! Нѣтъ, — Кудрявцеву, вѣрно, „Терекъ“ лучше нравится, чѣмъ „На см. Од.“ — вѣдь не даромъ же я такъ люблю его... Спроси его и тотчасъ же увѣдоми или заставь его при себѣ же написать нѣсколько словъ объ этомъ — буду ждать этого съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ будто и Богъ знаетъ чего...“

„...Да, кстати: что съ тобою... дѣется? Ты безъ меня потерялъ всякое чутье къ поэзіи. Новогреческія пѣсни я замѣтилъ — онѣ пресохотны и переводъ хорошъ. 4) Но, ради Аллаха, съ чего ты взялъ, что переводы Аксакова положительно хороши, а не положительно дурны? Неужели это Гете? — Чѣмъ же онъ выше Семена Егоровича Раича? А Венцелевскаго стихотворенія я не понимаю: должно быть, рефлектированное. Струговщикова переводы тоже не изъ лучшихъ его переводовъ. И вообще стихотворная часть въ „Одесск. Альманахѣ“ — плоховата. Стихи Лермонтова недостойны его имени...“

„...Что, другъ, ты ужъ говоришь, что лучше пѣизмъ, чѣмъ пантеистическія построенія о безсмертіи? 5) Я самъ то же думаю. Для меня Ев. — абсолютная истина, а безсмертіе индив. духа есть основной его камень. Временемъ тепло вѣрится —

Съ души какъ бремя скатится  
Сомнѣнье далеко,  
И вѣрится, и плачется,  
и такъ легко, легко.

Да, надо читать чаще Евангеліе — только отъ него и можно ожидать полного утѣшенія. Но объ этомъ или все, или ничего“.

1) Письмо оканчивается 20-го февраля разсужденіями о личныхъ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ нѣкоторымъ друзьямъ кружка и о сердечной исторіи Воткина. (Письма, А. «Бѣлинскій», т. II, гл. VI, стр. 25).

2) Это письмо относится ко времени окончательнаго разрыва съ «философскимъ другомъ»; здѣсь, между прочимъ, Бѣлинскій даетъ полный просторъ своему враждебному настроенію.

3) Философскій другъ, т. е. М. Бакунинъ.

4) Дальше Бѣлинскій передаетъ содержаніе стих. Пушкина «Памятникъ».

1) Гегель.

2) Гоголевская фраза.

3) По мнѣнію Бѣлинскаго, у Лермонтова также мало рефлексіи: «есть надежда, что будетъ поэтъ». (Письма, II, 28)

4) Рѣчь идетъ объ «Одесскомъ Альманахѣ» Надеждина, 1840 г.

5) Въ своихъ писмахъ Бѣлинскій часто возвращается къ вопросу о безсмертіи, который его тревожитъ.